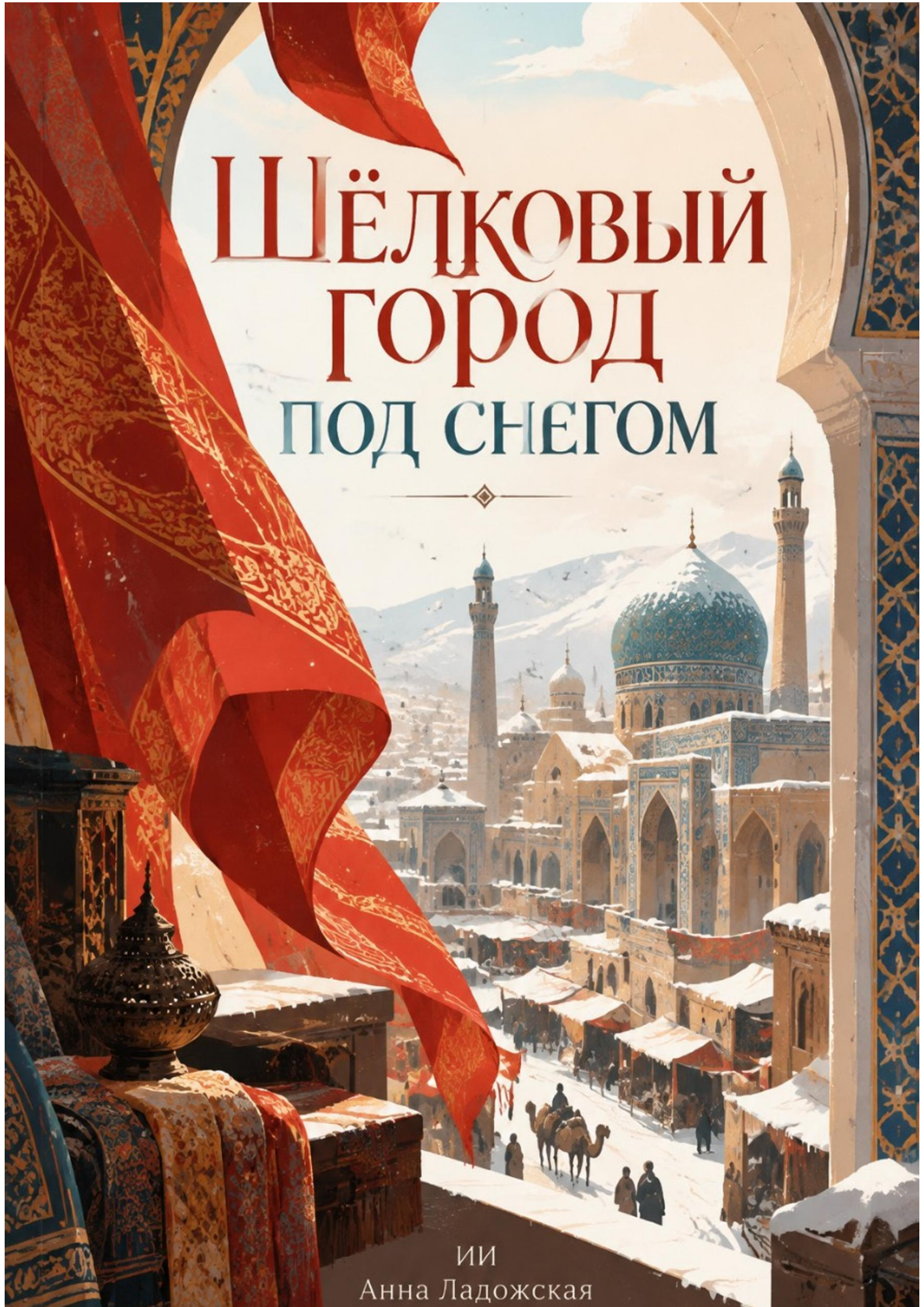

ШЁЛКОВЫЙ ГОРОД ПОД СНЕГОМ

ИИ

Анна Ладожская

Анна Ладожская

Шёлковый город под снегом

«Автор»

2026

Ладожская А.

Шёлковый город под снегом / А. Ладожская — «Автор», 2026

Что делать, когда снег заметает Великий тракт, отец умер, а на плечах Амины — лавка, долги и люди, которым нужна опора? В городе семи языков слухи легко принять за факты, а чужую печать — за доказательство. Тайная запись на шёлковом свитке, пропавший караван и посланник с двумя именами ведут к опасной загадке. Чтобы защитить близких, Амине предстоит проверять версии, отличать свидетельства от догадок и решать без полной уверенности. Ответственность для неё — не безошибочность, а честность; сила — не контроль, а ясные договорённости и готовность изменить план. «Шёлковый город под снегом» — исторический роман о тайных маршрутах, трудных выборах и доверии. Для тех, кто любит захватывающие истории и хочет обрести ясность и опору для собственных решений. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Ладожская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Снег на Великом тракте	6
Город семи языков	11
Лавка Амины после смерти отца	16
Шёлковый свиток с тайной записью	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Ладожская

Шёлковый город под снегом

Шёлковый город под снегом

Анна Ладожская

Снег на Великом тракте

Снег стирал Великий тракт не сразу. Сначала исчезали следы копыт, потом колеи, потом сами дорожные камни — и лишь после этого белая мгла принималась за горизонт. Она ложилась на землю ровным полотном, будто кто-то торопливо укрывал мир, не разбирая, где дорога, где овраг, а где промёрзшая река.

Снегопад шёл тихо. Только возле лица его шорох становился слышен: тысячи лёгких прикосновений к шерстяному капюшону, к рукавам, к кожаной узде. Амина подумала, что так, должно быть, шепчутся люди в соседней комнате, не желая, чтобы их услышали.

Она вынула руку из рукавицы и прижала пальцы к карману под плащом. Там лежал отцовский компас. Латунный корпус потемнел, стекло было исцарапано, на краю зияла неглубокая вмятина. Она знала её на ощупь лучше, чем узор на собственном браслете.

Стрелка под стеклом дрогнула, но не успокоилась.

— Следов не видно, — сказал Юсуф, придерживая поводья своего коня. — Надо переждать.

Он говорил это уже в третий раз за последний час. Впереди, за двумя рядами выючных верблюдов, двигались люди из их обоза: Нури, самый молодой погонщик, и Хасан, возчик с мешками сушёных яблок. Позади тянулись ещё две телеги. Одна везла свёрнутый шёлк, другая — ящики с тонкостенными чашами, которые звенели при каждом толчке.

— Если переждём здесь, к ночи нас заметёт по поясу, — ответила Амина.

Юсуф посмотрел на белизну вокруг, потом на неё.

— А если пойдём дальше, можем сойти с дороги.

Он не спорил. Он просто хотел, чтобы кто-нибудь другой выбрал за него. Амина узнала это желание, потому что сама чувствовала его в груди: отдать решение тому, кто старше, опытнее, кто не станет потом смотреть на неё так, словно ошибка была неизбежна.

Обычно она обращалась бы к отцу.

В памяти всплыло, как он сидит у костра, вытянув ноги к огню, и ногтем отмечает на карте изгиб тракта. «Сначала смотри, куда дует ветер, — говорил он. — Потом спрашивай, куда тебя тянет страх». Отец умер в конце осени, в Кешаре. Амина узнала об этом на постоялом дворе в чужом городе, из письма, где было всего четыре строчки. Она перечитывала их, пока бумага не размякла от пальцев. Теперь она возвращалась домой, но ещё не успела увидеть его могилу.

Она машинально сжала компас. И на миг ей показалось, что сейчас она услышит привычное: «Ну, дочь, что ты видишь?»

Но вокруг был только снег.

Амина приподнялась в седле. Ветер шёл с востока, с открытой равнины. Он не просто гнал снег по земле, а срезал его с верхушек каменных столбов. На правой стороне тракта проступали тёмные полосы, а слева снег собирался длинными горбами. Дальше дорога уходила к низине, где среди белого мерцал слабый синий блеск.

— Не спускаемся, — сказала она. — Тракт здесь ниже. Снег лёг на него глубже, чем на гребень.

Юсуф нахмурился.

— Ты уверена?

Амина почти ответила «нет». Уверенность была слишком большим словом для этой погоды, слишком похожим на обещание, которое нельзя сдержать. Она посмотрела на каменные столбы. Один из них выступал из снега на ширину ладони. На его восточной стороне белизна была соскоблена до серого камня.

— Достаточно уверена, чтобы проверить, — сказала она.

Юсуф не успел ответить. Из низины донёлся короткий, рваный крик.

Люди обернулись. Через несколько мгновений из снежной мглы вынырнула фигура, волочившая за собой верёвку. Это был незнакомец в меховой шапке. Он пробежал несколько шагов, поскользнулся, поднялся и снова замахал руками.

— Телега! — закричал он. — Помогите! Колесо провалилось!

Амина спешила. Нури подал ей поводья, но она уже проверяла землю длинным концом посоха. Снег у обочины пружинил, а через пару шагов провалился с сухим хрустом. Под ним оказалась пустота.

— Стойте здесь, — сказала она спутникам. — Не сходите с каменной линии.

— Там мой брат, — выкрикнул возница. — Не стойте!

— Мы идём, — ответила Амина. — Но не по твоим следам.

Мужчина резко вскинул голову. Ему было лет сорок, борода покрылась ледяными крупинками, лицо побелело не только от мороза.

— Я сам знаю, где дорога.

Он развернулся, будто собирался бежать обратно.

— Ты её уже нашёл? — спросила Амина.

Незнакомец остановился.

— Что?

— Дорогу. Ты знаешь, где она?

Он не ответил. Ветер ударил порывом, и его шапку чуть не сорвало.

— Тогда дай мне посмотреть, — сказала она.

— Мне не нужны приказания от женщины.

Юсуф шагнул вперёд, но Амина остановила его поднятой ладонью. Возница был испуган, а страх часто надевал голосом чужую грубость. Но от этого его телега не становилась менее опасной.

Она поймала себя на том, что ждёт. Что Юсуф скажет ей продолжать. Или возница уступит. Или погода даст знак яснее. Она ждала разрешения — от людей, от обстоятельств, даже от отца, которого уже нельзя было спросить.

А рядом в снегу бился чужой конь.

— Послушай, — сказала Амина. — Если мы сейчас будем спорить, к сумеркам твой брат замёрзнет. Покажи, где он.

Возница посмотрел на неё, потом махнул рукой.

Они двинулись к низине не напрямую, а по выступу, где снег был сдут ветром. Амина шла первой и проверяла посохом каждый шаг. Нури шёл за ней, держа длинный шест с привязанной к концу красной полосой ткани. Юсуф вёл верёвку. Возница, назвавшийся Бахрамом, торопился обогнать всех, но Амина заставила его держаться позади Нури.

— Если земля провалится, первым упаду я, — сердито сказал он.

— А если ты провалишься, нам придётся вытаскивать тебя вместо телеги, — ответила она. — Идёшь там, где покажет шест.

В низине стояла повозка. Левое колесо ушло в снежную яму почти до ступицы; правое накренилось, и кузов опасно застыл над боковым скатом. В упряжи бился серый конь. Второй, рыжий, тяжело дышал и скрёб ногой наст.

— Где брат? — спросила Амина.

— За телегой. Он удерживает заднее колесо.

Из-за кузова показался молодой мужчина в мокром кафтане. Он был цел, но дрожал так сильно, что не мог разжать пальцы на деревянной перекладине.

Амина посмотрела на телегу, на уклон, на верёвки, на то, как снег струится по земле. Если тянуть повозку в сторону тракта, колёса соскользнут ниже. Если сразу дёрнуть лошадей, кузов может опрокинуться.

— Сначала разгрузим переднюю часть, — сказала она. — Нури, отведи коней на плотное место и держи их за головы. Не тяни, пока я не скажу. Юсуф, расчисти снег за левым колесом, но не подкапывай склон. Бахрам, забери брата от телеги и развяжи два верхних тюка. Их перенесём сюда, на гребень. Я закреплю верёвку на оси.

Бахрам смотрел на неё, будто она произнесла на незнакомом языке.

— Не на кузове, — добавила Амина. — На оси. Если привязать выше, телегу перевернёт.

— Я сам знаю, как вытаскивать свою повозку.

— Тогда ты знаешь, что сначала надо убрать лишний вес.

Он стиснул зубы, но послушался.

Они работали быстро. Юсуф отбрасывал снег деревянной лопатой. Нури поставил коней на утрамбованную площадку и обвязал их поводья вокруг старого каменного столба. Бахрам с братом переносили тюки, ступая след в след. Амина пропустила верёвку под осью и закрепила узел так, чтобы тяга пришлась на крепкую часть рамы.

Ветер усилился. Снег налипал на ресницы, и каждый вдох царапал горло. Бахрам несколько раз рванул верёвку раньше времени.

— Не тяни! — крикнула Амина.

— Она сейчас уйдёт ещё глубже!

— Если потянешь сейчас, уйдёт весь кузов.

Она встала у колеса и посохом проверила дно ямы. Под рыхлым снегом обнаружился твёрдый пласт, но с левой стороны склон был подмыт. Значит, колесу нужно было выйти не прямо на тракт, а сначала на небольшой бугор, где снег уплотнился ветром.

— Юсуф, положи ветки под колесо. Нури, к лошадям. Бахрам, держи верёвку свободно, не натягивай. Когда я скажу, тянем вместе. Не раньше.

— А если не выйдет? — спросил его брат.

— Тогда остановимся и посмотрим, что изменилось.

Ответ прозвучал спокойно, хотя сердце у Амины колотилось. Она не знала, сработает ли план. Знала только, что они могут проверить его шаг за шагом.

Ветки легли под колесо. Амина отступила на плотное место и подняла руку.

— Сейчас.

Лошади потянули. Верёвка натянулась. Телега дрогнула, но не сдвинулась. Бахрам рванул изо всех сил.

— Нет! — крикнула Амина. — Отпусти на миг!

Он замешкался. Колесо скользнуло вбок, снег осыпался из-под него. Амина увидела, как рама накренилась ещё сильнее, и бросилась к верёвке, чтобы ослабить её. Бахрам, наконец, отпустил. Телега замерла.

— Теперь подправим ветки, — сказала она. — И подложим этот мешок. Под колесо, не под раму.

Пока они работали, никто не спорил. Даже Бахрам перестал торопить лошадей. Со второй попытки колесо выбралось из ямы. Телега прошла на поллоктя, остановилась, затем медленно поднялась на бугор. Нури удержал коней, Юсуф подхватил верёвку, и повозка встала на более ровную площадку.

Когда всё закончилось, Бахрам долго молчал. Потом провёл ладонью по морде серого коня.

— Я думал, ты будешь расспрашивать, — сказал он наконец.

— О чём?

— Почему я не послушался с первого раза.

— Ты и так знаешь почему.

Он посмотрел на неё с недовольством, но в нём уже не было прежней злости.

— Как тебя зовут?

— Амина.

— Я Бахрам. А это мой брат Далир. Мы везём медную посуду из южных мастерских. Думали, что до постоянного двора осталось полдня.

— Осталось меньше, если идти по гребню.

Юсуф бросил на неё быстрый взгляд.

— Ты видишь дорогу?

— Я вижу, где снег лежит тоньше.

Она достала из сумки маленькую тетрадь, предназначенную для счётов и дорожных заметок. На первой странице ещё оставался отцовский почерк, но дальше листы были пусты. Амина записала: «Ветер с востока. В низине снег глубже. У каменных столбов гребень открыт. Переходить к северной стороне нельзя: под снегом яма».

Затем они проверили результат. Колёса повозки не проседали на бугре; ветки не ломались под весом. Путь обратно к каменному ряду оставался цел. Только после этого Амина позволила Бахраму снова запрячь лошадей.

— До караван-сарая поведу я, — сказала она. — Идём за красной меткой. Если кто-то потеряет её из виду, останавливается. Не пытается догнать наугад.

— Ты часто командуешь? — спросил Бахрам.

— Нет, — ответила Амина. — Но сегодня это оказалось полезно.

Караван-сарай Чёрного колодца показался из метели, когда уже смеркалось. Его глинобитная стена была почти целиком скрыта снегом, только над воротами виднелась деревянная балка с двумя железными фонарями. Ветер гудел в узком проходе, а изнутри доносились голоса и стук посуды.

У ворот толпились люди: торговцы в шерстяных плащах, погонщики, двое солдат с мокрыми луками. Каждый говорил сразу с кем-нибудь ещё. Амина уловила знакомые слова, потом незнакомые, потом снова знакомые, но произнесённые иначе. Снег заглушал улицу, зато внутри караван-сарая голоса сталкивались, как монеты в ладони.

Смотритель, широкоплечий мужчина с седой косой, впустил их после того, как Юсуф назвал купцов, которым принадлежал обоз. Он велел подвести животных к тёплому навесу и принёс путникам горячую воду.

— Кешар закрыл ворота на ночь, — сказал он, когда Амина спросила, можно ли отправить гонца в город. — У тракта три обвала, а на южном мосту лёд. До рассвета никто не поедет.

— Даже если дорога очистится?

— Особенно если очистится. Люди любят путать открытый путь с безопасным.

Амина сняла перчатки. Пальцы ныли, на коже выступили красные пятна. Бахрам поблагодарил её коротким кивком, будто длинные слова могли бы испортить то небольшое, что он готов был признать.

— Я поторопился, — сказал он. — Ты увидела больше, чем я.

— Ты видел, что телега тонет. Этого было достаточно, чтобы позвать на помощь.

Он помолчал.

— Не каждый позвал бы.

Амина не стала отвечать. Она снова подумала об отце. Как он бы принял её решение? Похвалил бы за верёвку, указал бы на ошибку с ветками, спросил бы, почему она не заметила подмытого снега сразу. Ей вдруг стало тяжело оттого, что теперь все его возможные слова существовали только в её голове.

В общем зале пахло дымом, сырой шерстью и пряным супом. На стене висела карта Великого тракта: грубая, перечёркнутая складками, с отметками колодцев и постоянных дворов. Возле названий кто-то написал предупреждения на нескольких языках. Амина заметила, как путники подходили к карте, каждый находил в ней своё и объяснял соседу жестами или короткими фразами.

Она подошла ближе. На северной дороге, ведущей к Кешару, стоял знак опасности: красная косая черта рядом с двумя маленькими кругами. Ниже, почти у самого края карты, было выведено ещё одно обозначение, тёмными чернилами.

Амина застыла.

Три короткие линии, пересечённые кольцом.

Она знала этот знак. Отец ставил его на узлы, которые следовало беречь от сырости, и на дорожные письма, которые нельзя было отдавать чужим рукам. Он вырезал его на деревянной бирке своего каравана, когда Амина была ребёнком. Тогда ей казалось, что это просто красивый узор.

Знак стоял рядом с южным обходом к Кешару. Рядом с дорогой, перечёркнутой красной чертой.

— Кто отметил этот путь? — спросила она у смотрителя.

Седой мужчина посмотрел на карту.

— Красную черту? Два дня назад поставили. Говорят, там разбойники.

— А знак под ней?

Смотритель пожал плечами.

— Был раньше. Не знаю чей. Карта старая.

— Насколько старая?

— С тех пор, как я здесь служу.

Это ничего не объясняло. Знак отца не мог оказаться здесь случайно. Но зачем его караванная метка стояла рядом с дорогой, которую объявили опасной? И почему отец, вернувшись в Кешар, не рассказал ей об этом?

Амина открыла тетрадь и зарисовала знак. Потом рядом записала слова смотрителя: «Красная черта поставлена два дня назад». Она обвела запись и закрыла тетрадь.

За воротами метель продолжала засыпать Великий тракт. Но теперь она не казалась пустотой. Снег скрывал дорогу, не уничтожая её, и каждый след, если знать, куда смотреть, оставался где-то под белой коркой.

Амина прижала ладонь к карману, где лежал компас отца. На этот раз она не стала ждать, что стрелка укажет ей ответ. Утром она пойдёт в Кешар, найдёт тех, кто поставил красную черту, и узнает, почему знак её отца ведёт к опасному пути.

Город уже ждал за снегом. И, похоже, сам был частью тайны.

Город семи языков

К рассвету снег перестал падать, но дорогу всё ещё приходилось угадывать по темным буграм под белой коркой. Амина шла за караваном, держась ближе к его последней повозке: не потому, что боялась заблудиться, а потому, что узкая колея была видна только там, где её примяли колёса. За повозкой тянулся запах мокрой шерсти, лошадиного пота и дыма от дорожной жаровни.

Кешар возник из метели не сразу. Сначала показались башни, потом зубцы стены, затем длинная череда крыш, над которыми поднимались дымки. Город не молчал даже на рассвете: где-то звякнул колокольчик, у ворот крикнули возчику, чтобы придержал коней, и голос привратника ответил на другом языке. Когда Амина подошла ближе, слова накладывались одно на другое, словно торговцы уже начали торговаться с самим утром.

У ворот висели вывески. На одной название было выведено тонкими угловатыми знаками, на другой — округлыми, похожими на нанизанные на нить бусины. У третьей буквы шли справа налево. Под каждой висела одинаковая деревянная дощечка с изображением весов: знак, понятный всем, кто хотел продать или купить.

— Семь языков, — сказал возчик, заметив, что Амина разглядывает надписи. — И ещё один, которым люди ругаются, когда теряют деньги.

Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла: у ворот у него потребовали дополнительную пошлину.

Смотритель назвал сумму на языке Кешара. Возчик переспросил на торговом наречии. Ответ прозвучал медленнее, но оказался тем же. Мужчина расплатился, ворча, что ещё вчера платил меньше.

Амина вспомнила красную черту на дорожном знаке. Два дня назад тракт объявили опасным. Возможно, пошлину подняли из-за риска. Возможно, кто-то воспользовался тревогой. Пока это были только версии.

За воротами город будто раскрылся на несколько улиц сразу. На главной продавали шерстяные плащи, сушёные фрукты и пряности в маленьких мешочках. В боковом ряду гончары выставляли чаши, а дальше начинался квартал караванщиков: навесы, стойла, тюки, тележные оси, сложенные у стен. Над всем этим стоял густой запах перца, мокрой кожи и свежего хлеба. Снег не исчезал, но город умел обращаться с ним: сгребал к стенам, утрамбовывал в колею и продолжал торговать поверх белой настойчивости.

Амина искала людей, которые могли знать о красной черте и метке отца. Но едва она спросила о пропавших караванах у прилавка с шерстью, как получила три ответа прежде, чем успела уточнить вопрос.

— Их увели с тракта.

— Они сами свернули к южным воротам.

— Нет, это выдумка, чтобы поднять пошлину.

— Пропадает не весь караван, а только дорогой товар.

Каждый говорил уверенно. Никто не называл одного и того же места.

Амина достала тетрадь. Отец учил её записывать не только то, что человек утверждает, но и откуда он это знает. Тогда, в его лавке, ей казалось, что это лишняя осторожность. Теперь город быстро показал, зачем она нужна.

Она поставила на странице три заголовка: «Кто сказал», «Откуда знает», «Что можно проверить». Потом стала расспрашивать.

Первым оказался торговец шерстью по имени Бахрам. Он видел, как два дня назад к его складу пришёл возчик без товара и потребовал вернуть задаток за доставку. самого каравана

Бахрам не встречал. О пропаже ему рассказал возчик, который, в свою очередь, услышал о ней у ворот.

Амина записала: «Бахрам. Слышал от возчика. Задаток — проверить».

Следующая, торговка пряностями, Равия, утверждала, что её брат не вернулся с тракта. Но, когда Амина спросила, где он ехал, выяснилось, что брат не был в караване: он возил мешки от одного городского склада до другого. Его тележка исчезла возле восточной стены.

— Он пропал на дороге, — сказала Равия, сжимая края платка. — Разве это не одно и то же?

— Не знаю, — честно ответила Амина. — Я пытаюсь понять, что именно произошло.

Равия посмотрела на неё настороженно, но всё же назвала склад: старое хранилище соли у заброшенного канала. Амина записала и это, не делая вывода.

Вскоре её внимание отвлёк резкий спор у весов. Возчик в тёмной шапке держал за поводья двух мулов. Перед ним стоял носильщик с широкой ладонью, выставленной вверх. Возчик отшатнулся, словно тот замахнулся на него.

— Он требует ещё денег! — выкрикнул возчик. — Я заплатил за перевозку!

Носильщик ответил быстро и громко. Его слов Амина не поняла. Люди вокруг уже теснились ближе. Один из возчиков потянулся к рукояти ножа, другой схватил его за рукав.

— Он показал мне пустую ладонь, — продолжал первый. — Значит, хочет монету.

Носильщик снова поднял руку. В жесте не было угрозы, но со стороны возчика это, видимо, выглядело именно так.

Амина шагнула между ними, оставив достаточно места, чтобы никто не решил, будто она собирается кого-то удерживать силой.

— Подождите. Я не понимаю всех ваших слов, — сказала она на общем торговом языке. — Но могу повторить, что каждый из вас понял. А потом вы скажете, правильно ли я услышала.

Это не успокоило спорщиков сразу. Возчик всё ещё держал поводья натянутыми. Носильщик отвечал, не глядя на неё, а на толпу. Амина позвала мальчика-переводчика, который предлагал у весов свои услуги. Он подошёл, но начал переводить слова носильщика коротко и сердито, словно тот жаловался без причины.

— Пожалуйста, переведи точнее, — попросила Амина. — Не объясняй, кто прав. Скажи, что он произнёс.

Мальчик смутился, затем обратился к носильщику внимательнее. Тот ответил уже медленнее. Амина попросила переводить ключевые условия вслух, для обоих.

Оказалось, носильщик показывал на ладонь не ради платы. Так он обозначил, что вес мешка ещё не записан. По договору возчик должен был дожждаться печати весов, прежде чем уводить мулов. Возчик же решил, что от него требуют доплату, потому что вчера другой носильщик поднял ладонь именно в таком жесте, когда просил монету.

— Ты думал, что он требует денег, — сказала Амина возчику.

Тот помедлил и кивнул.

— А ты хотел сказать, что вес не внесён в книгу, — обратилась она к носильщику.

Мужчина подтвердил это и указал на табличку возле весов. На ней стояли две отметки, но ни одной печати. Весовщик, до этого молча наблюдавший за спором, подошёл, сверил мешки и поставил печать.

Возчик ослабил поводья. Носильщик опустил руку. Никто не извинился торжественно, никто не признал себя виноватым на всю площадь. Достаточно оказалось понять, что каждый отвечал на свой вопрос.

— Он поднял ладонь, — сказал возчик уже тише. — Я решил, что знаю зачем.

— А я решила, что жест означает одно и то же для всех, — сказала Амина.

Носильщик улыбнулся уголком рта. Толпа разошлась, потеряв интерес к драке, которая не состоялась.

У весов оказалось больше власти, чем у громкого спорщика. Весовщик решал, когда товар можно увезти; переводчик — какие слова услышат стороны; возчики зависели от обоих, хотя шумели громче всех. Амина занесла это в тетрадь не отдельными именами, а короткой схемой: «товар — весы — запись — дорога». В городе многое проходило через людей, которые не стояли за прилавком и не владели грузом, но без них груз не двигался.

Она повернулась к переводчику.

— Ты часто слышишь, что говорят о пропавших караванах?

— Каждый день. Здесь все слышат всё, — ответил он. — Но никто не слышит одного и того же.

Он рассказал, что торговцы говорят о засаде на тракте, потому что в накладных исчезают целые партии. Носильщики уверены, что грузы не уходят из города, а меняют склад. Привратники считают, что караваны не прибывают, потому что перестали отмечаться на внешних воротах.

— Ты сам видел пропажу? — спросила Амина.

— Нет. Я видел, как люди спорят о ней.

Она записала его ответ почти дословно. Он не выдавал слух за свидетельство, и от этого его слова оказались полезнее многих уверенных заявлений.

У навеса с мешками соли она нашла женщину, которая торговала за прилавком вместе с двумя сыновьями. Равия оказалась права: торговку звали Хадиджа, и её семья поставляла соль в город. Хадиджа не верила в нападение на тракт.

— Если бы грабили караваны, пропадало бы всё, — сказала она. — А исчезают отдельные партии. И пошлина растёт именно на входе. Вот квитанции за три дня.

На восковой печати не было ничего необычного. Суммы, однако, действительно различались. Хадиджа не знала, кто установил новый сбор, но показала, что плату брали на воротах, а не в городе.

— Это подтверждает рост пошлины, — сказала Амина. — Но не объясняет исчезновения.

— Верно. Я не говорила, что объясняет.

Амина подняла на неё взгляд. В этой простой оговорке было больше честности, чем в десятке громких версий.

У восточных ворот она нашла привратника, который знал местный порядок и немного говорил на торговом языке. Мужчина проверил записи в книге. В ней отмечали въезд каждого каравана и количество повозок, но не всегда указывали, где груз разгружали.

— За последние три дня не было нападения внутри стен, — сказал он. — По крайней мере, такого, о котором сообщили мне.

— А караваны, которые должны были выйти?

Привратник пролистал страницы и нахмурился.

— Здесь нет записи об их выходе.

— Значит, они не покидали город?

— Значит только, что в этой книге нет записи.

Амина почувствовала, как торопливый вывод, уже готовый сорваться с языка, остался невысказанным. Она записала: «Привратник. Не видел нападения. Нет отметок о выходе. Книга неполная».

Пока она говорила с ним, к воротам подъехал старый возчик. Он узнал знак на её тетради — тот самый, который она зарисовала у смотрителя на тракте.

— Где ты его видела? — спросил он.

— На дороге. Рядом с красной чертой.

Старик перестал улыбаться. Он не стал спрашивать, чей знак. Вместо этого посмотрел на улицу, ведущую к восточной части города.

— Если ищешь старые маршруты, не спрашивай о них на главном рынке, — сказал он. — Там тебе ответят так, как выгодно сегодня.

— А где спрашивать?

— У тех, кто возит грузы, а не продаёт их. Или у тех, кто запирает склад после заката.

Он не назвал ни одного человека и ушёл прежде, чем Амина успела уточнить.

В уме она разложила услышанное, как на карте. Бахрам знал о невозвращённом задатке от возчика, но сам пропажи не видел. Хадиджа могла подтвердить новые пошлины квитанциями, но не знала, что случилось с товарами. Привратник видел записи, не видел нападения. Носильщики говорили о грузах, которые исчезали уже после въезда. Равия назвала старый соляной склад, а слова старого возчика направили к тем, кто закрывает склад на ночь.

Слухи расходились на окраинах, но сходились возле восточной стены.

Оставалось проверить, насколько близко они подходят к одной и той же точке.

Старый соляной склад стоял у заброшенного канала, за рядом мастерских, где чинили колёса и подковы. Крыша его просела под снегом. На воротах висел потемневший знак соли, поверх которого кто-то прибил новую дощечку: «Не используется». Дощечка была свежей. На гвоздях ещё не выступила ржавчина.

Амина остановилась напротив, не приближаясь к воротам. Возле стены тянулись следы повозок. Часть занесло снегом, но две колеи пересекали двор и уходили за склад, к узкому проезду. По краям лежали рассыпанная соль и клочок грубой упаковочной ткани.

Она не стала трогать ни того ни другого. Просто зарисовала колеи и отметила, где нашла ткань. Потом посмотрела на ворота. У замка были две скобы: одна старая, обледеневшая; другая блестела от недавнего прикосновения. На деревянной перекладине виднелся полустёртый знак — три короткие черты, сходящиеся у основания.

Знак отца.

Амина не подошла ближе. Она уже знала, что совпадение ещё не доказательство. Но и случайностью это назвать не могла.

За спиной послышались шаги. Молодой писец из воротной службы догнал её, задыхаясь от бега.

— Я посмотрел старые книги, — сказал он. — Там есть указание на склад. Не в общей книге, а в перечне частных грузов. Несколько старых маршрутов помечены как закрытые, хотя записи о товарах продолжались.

— Чьи маршруты?

Писец оглянулся на улицу.

— Я не успел переписать имена. Но возле одной строки стояла та же метка, что у тебя в тетради.

Ветер поднял с земли тонкую пыль снега и бросил её на свежую дощечку. Надпись «Не используется» на мгновение исчезла под белым слоем.

Амина закрыла тетрадь. Теперь у неё было не объяснение, а направление: склад, неполные записи, знак отца, маршруты, которые объявили закрытыми, хотя грузы продолжали двигаться. Этого хватало, чтобы сделать следующий шаг, но не хватало, чтобы обвинить кого-либо.

На запястье давила кожаная петля от ключа, который она носила с собой со дня смерти отца. Ключ был от его лавки в Кешаре. После похорон лавку заперли, а счета и книги остались внутри. До сегодняшнего дня Амина не знала, что искать среди них. Теперь город подсказал ей, с чего начать.

Она обернулась к складу. Кто-то недавно смёл снег у порога, стараясь не оставить следов. Но следы всё равно остались — не на снегу, а в рассказах людей, в квитанциях, в книгах и на старой деревянной балке.

Чтобы увидеть их, требовалось не верить первому голосу и не отмахиваться от второго. Требовалось спросить, кто говорит, что именно он видел и чем его слова можно проверить. Кешар не раскрыл тайну. Он показал, где она соприкасается с каждой из семи его дорог.

Амина направилась к лавке отца. Завтра она откроет дверь и узнает, что тот оставил среди своих книг.

Лавка Амины после смерти отца

Ключ повернулся не сразу. Внутри что-то сухо щёлкнуло, будто лавка не открывалась, а нехотя соглашалась впустить её.

Амина нажала плечом на дверь. Снег, набившийся в щель у порога, хрустнул под подошвой, и в лицо ей дохнуло знакомым запахом: кедровое дерево, старый дым, пыль и горькая нота синего красителя. Отец заказывал именно этот краситель, хотя его запах оставался на пальцах до вечера. «Хорошая ткань должна помнить, чем её окрасили», — говорил он.

В первый миг Амине показалось, будто отец только что вышел в соседнюю комнату. На столе лежала недописанная накладная. Рядом, на блюде, засохла капля чернил. А у окна стоял его стул — с потёртым подлокотником и неглубокой вмятиной на сиденье, оставленной годами привычки садиться на самый край.

Амина не стала его трогать.

Она сняла с плеча дорожный плащ и повесила на крючок. Потом прошла вдоль полок, открывая ставни одну за другой. Свет пробивался сквозь снег, тусклый и синий. На некоторых рулонах ткань была прикрыта холстом, на других лежала белая пыль. В дальнем углу стояла корзина с обрезками — отец никогда не выбрасывал их, пока не решал, что из них уже нельзя сделать даже ленту для подарка.

На столе была накладная на двадцать локтей алого шёлка. Строка «получено» оставалась пустой. Под ней отец успел вывести: «Проверить по дороге через...» — и остановился. Чернила у последней буквы расплылись, словно перо задержалось на бумаге.

Амина коснулась края листа. Она приехала сюда за ответами, но сперва должна была выяснить, что именно ей досталось. Пока это было не наследство, а закрытая дверь, полная вещей, обязательств и чужого ожидания.

В коридоре послышались шаги. Вошёл Юнус, старший приказчик отца. Он стряхнул снег с воротника и не сразу поднял глаза.

— Ты открыла лавку, — сказал он.

— Да.

— Я надеялся, что ты дождёшься меня.

— Я ждала. С рассвета.

Юнус снял перчатки. На его большом пальце белел старый шрам, похожий на тонкую нить.

— Тогда скажу прямо. До весны надо закрыться. Распродать всё, что можно, расплатиться с людьми и не брать новых заказов. На дорогах снег, обозы задерживаются. А если ткань испорчена, она не станет лучше от того, что мы будем на неё смотреть.

Он не произнёс это с равнодушием. Юнус смотрел на полки так, как смотрят на дом, в котором прожили много лет и который, возможно, придётся оставить.

— Ты останешься без работы, — сказала Амина.

— Я останусь без работы, если лавка прогорит к весне. Так я хотя бы знаю, когда это случится.

Она услышала в его голосе не только страх за себя. Юнус давно содержал младшую сестру и двух её детей. Отец Амины знал это и никогда не задерживал ему плату, даже когда сам брался за долгую дорогу без уверенности в прибыли.

— Я не прошу тебя верить, что лавка выстоит, — сказала она. — Я хочу знать, что у нас есть на самом деле.

Юнус посмотрел на неё внимательнее.

— Это и предлагаю выяснить. Всё лишнее продать.

— Сначала выяснить. Потом решать.

Из-за двери в мастерскую выглянула Сафия, ученица, едва достигавшая Амине до плеча. В руках она держала корзину с нитками.

— Я могу разобрать обрезки, — сказала девушка. — В них есть полосы хорошего шёлка. И подшить плащи, пока снег не растаял. Люди всё равно будут ходить в порванном.

Юнус вздохнул.

— Подшивкой не прокормишь лавку.

— Может, не прокормим, — ответила Сафия. — Но если распродадим станки, не будет и шанса.

Амина посмотрела на них обоих. Один предлагал не потерять то, что ещё можно спасти. Другая боялась потерять то, что только предстояло создать. Между ними стояла она — и не имела права объявить правым того, кто говорил увереннее.

— Давайте считать, — сказала она.

Юнус принёс из конторы grossбух, Сафия — уголь и моток бечёвки. Амина развернула на столе большой лист бумаги. Провела две линии, затем добавила третью колонку.

— Пригодное. То, что можно исправить. И то, что уже нельзя считать товаром.

— Обрезки — не товар, — сказал Юнус.

— Пока не знаем, что из них можно сделать.

Она взяла перо и вывела заголовки. Почерк вышел слишком крупным. Амина чуть не зачеркнула его, но оставила как есть.

Работу начали с дальних полок. Юнус называл артикулы и длину рулонов, Сафия проверяла края ткани и отмечала следы влаги. Амина записывала. Иногда приходилось спорить: один считал стоимость по закупочной цене, другая — по тому, сколько ткани удастся использовать. Тогда они снова разматывали рулон, измеряли его и осматривали при дневном свете.

В лавке становилось теплее от работы. Сафия зажгла жаровню, и вместе с угольным дымом поднялся запах корицы — отец клал её в чашку с чаем и уверял, что так легче различать красители. Амина всё ещё замечала пустое место у окна. Но теперь там, где раньше отец молча наблюдал за работой, лежали записи, ножницы и мерная лента.

— Синий шёлк, восточная партия, — сказал Юнус, снимая холст с широкого рулона. — Привезли перед осенью. Если ткань цела, это самое дорогое, что у нас есть.

Амина провела ладонью по верхнему слою. Он был гладким, сухим, плотным. На бирке сохранилась печать торговца с южной дороги. Она внесла рулон в колонку «пригодное».

Сафия уже взялась за конец ткани.

— Подожди, — сказала Амина. — Его не нужно разматывать целиком.

— Я хочу проверить ширину, — ответила девушка.

— Для чего? Если ткань хорошая, мы продадим её рулоном.

Сафия помедлила, но всё же развернула край. Под верхним слоем обнаружилось бурое пятно. Она провела по нему ногтем, и ткань разошлась тонкой щелью. С изнанки тянуло сыростью.

Амина почувствовала, как горячо стало у неё в ушах.

— Я ошиблась, — сказала она. — Не записывай его в пригодное. Перенеси во вторую колонку, пока не посмотрим, сколько целого осталось.

Юнус ничего не ответил. Сафия подняла глаза, словно ждала, не последует ли за признанием упрёк. Но Амина сама взяла тряпицу и вытерла с пальцев следы красителя.

— Если ошибки нельзя будет исправлять в этой книге, от неё не будет пользы, — сказала она и постучала пером по листу.

Сафия кивнула и внесла поправку. Юнус снова взялся за рулон. Теперь они осматривали каждый слой, не полагаясь на аккуратную бирку и хорошее первое впечатление.

К полудню на бумаге появились три длинных списка. Пригодными оказались девять рулонов и несколько отрезков. Четыре рулона можно было спасти, если обрезать повреждённые края

или пустить ткань на подкладку. Три партии следовало списать: плесень въелась слишком глубоко, а запах не перебить даже новым красителем. Обрезки, которые Юнус прежде не считал товаром, дали ещё две корзины материала для лент, заплат и образцов.

Потом они пересчитали деньги. В кассовом ящике лежало тридцать две серебряные дирхемы. За прошлую декаду лавка должна была выплатить Юнусу и Сафие девять. Через пять дней следовало внести восемь за помещение. Долг красильщику Дауду составлял семнадцать дирхемов, не считая оплаты за одну ещё не выполненную работу. А накладная, оставленная отцом, говорила о заказе, но не подтверждала, что товар вообще был получен.

— Вот почему я предлагаю закрыться, — сказал Юнус. — Даже если считать только проверенное, нам нечем покрыть всё сразу.

— Мы и не можем покрыть всё сразу, — ответила Амина.

Она записала: девять — на оплату труда, восемь — в конверт за аренду. Четыре оставила на нить, масло для лампы и мелкие расходы. Остальные одиннадцать распределила: пять дирхемов отложить Дауду как первый платёж, шесть оставить в запасе. Остаток долга предстояло обсудить с ним после проверки отцовских счетов и получения денег за уже завершённые заказы.

— Он может не согласиться ждать, — заметил Юнус.

— Может. Тогда узнаем это от него, а не будем решать за него заранее.

Она не стала обещать, что заплатит из будущей прибыли. Обещать было нечего. Вместо этого предложила написать Дауду сегодня и пригласить его утром. Пусть увидит состояние дел и сам скажет, на каких условиях готов ждать.

— А новые закупки? — спросил Юнус.

— До следующей проверки — никаких. Только то, что нужно для уже принятых заказов, и только после предоплаты.

— Если покупатель передумает?

— Тогда не потратим деньги, которых у нас нет.

Сафия придвинула к Амине список обрезков.

— Я могу завтра начать с починки плащей. У булочника порван рукав. Он спрашивал, возьмёмся ли мы.

— За работу берём предоплату за материал, — сказала Амина. — За починку — плату после того, как человек увидит результат. И записываем каждый заказ отдельно.

— А мастерская? — спросила Сафия. — Оставим станки?

Амина взглянула на Юнуса. Тот провёл ладонью по серой бороде.

— Станки не продадим, — решил он. — Пока они не мешают платить за помещение.

— Тогда договоримся на неделю, — сказала Амина. — Утром принимаем починки и небольшие заказы, которые можем выполнить из имеющегося. Новые ткани не покупаем. Юнус проверяет старые долги и связывается с теми, кто уже должен отцу. Сафия разбирает пригодные обрезки. В конце каждого дня записываем расходы и выручку. Через семь дней садимся снова и смотрим на цифры. Если денег не станет больше, будем выбирать следующий шаг. Не сегодня, когда мы ещё не знаем половины.

Юнус медленно кивнул.

— Семь дней — не весна.

— Нет. Но это семь дней, за которые мы узнаем больше, чем сейчас.

Он посмотрел на кассовый ящик, потом на список повреждённой ткани.

— Я поговорю с Даудом. И с купцом из западного караван-сарая. Он задолжал твоему отцу за две партии.

— У тебя есть запись?

— Есть копия расписки.

— Тогда начинай с неё. Не с того, что тебе кажется, будто он должен. С того, что написано.

Уголок рта Юнуса приподнялся.

— Твой отец сказал бы то же самое.

Амина не стала спрашивать, когда именно отец произносил эти слова и помнил ли приказчик их точно. Она не хотела превращать чужое воспоминание в доказательство. Но в груди стало чуточку свободнее.

Когда Юнус ушёл, унеся список долгов и письмо красильщику, Сафия задержалась у корзин.

— Я думала, ты велишь всё распродать, — сказала она.

— Я и сама не знала, что велю.

— Но теперь знаешь?

Амина посмотрела на лист с тремя колонками. Слово «пригодное» было написано твёрдо, «исправить» — неровно, а под третьим заголовком осталось больше пустоты, чем она ожидала.

— Теперь я знаю, что мы проверим через неделю. Это не одно и то же.

Сафия улыбнулась и унесла корзину в мастерскую.

Амина осталась одна. На столе лежала недописанная накладная. Она прижала её деревянным прессом, чтобы лист не сворачивался, и только тогда заметила, что край старой столешницы чуть приподнят. Раньше отец держал там коробку с печатями и никогда не разрешал ей переставлять её без спроса.

Теперь коробки не было.

Амина провела ногтем по стыку. Дерево тихо скрипнуло. Под тонкой планкой обнаружился маленький выступ. Она нажала на него, и в столе открылось неглубокое потайное отделение.

Внутри лежал кусочек ткани, едва длиннее фаланги пальца. Не лоскут — одно шёлковое волокно, туго свёрнутое и завязанное узлом. Амина подняла его осторожно, боясь порвать. Волокно было бледным, почти серебряным, но у самого узла темнела синяя капля красителя.

Она знала узлы, которыми перевязывали тюки, обвязывали рулоны и крепили бирки. Этот не походил ни на один из них. Отец всегда пользовался простыми петлями, которые можно было развязать одной рукой. Здесь же короткий конец был пропущен сквозь двойной оборот и спрятан под тугой перекрестной петлёй.

Амина отложила волокно рядом с незавершённой накладной. На бумаге отец остановился после слов «по дороге через». В столе, в тайнике, оставил знак, которого она не умела читать.

Сначала она подумала, что должна отложить всё до завтра. Но тайна не отменяла хозяйственных дел, а хозяйственные дела не объясняли тайну. Она достала чистую страницу из гроссбуха и записала: «Найдено в столе. Шёлковое волокно, синий след, неизвестный узел». Ниже добавила: «Проверить, к какой ткани относится».

Затем завернула находку в чистую бумагу и заперла в ящике, где теперь лежали её новые записи. Ключ она оставила на запястье.

Снаружи ветер сдвинул снег с карниза. В лавке стало тихо. Стул отца стоял у окна по-прежнему пустым, но его больше не окружала неподвижность. На столе лежали три списка, письмо Дауду, расписка западного купца и страница с первой записью, сделанной рукой Амины.

Она не спасла лавку за один день. Не узнала, что означал узел. Не могла обещать, что весной торговые дороги снова откроются и принесут покупателей. Но теперь у неё были проверенные цифры, ясный срок для следующего решения и люди, которые знали, чего она от них ждёт.

А ответственность впервые показалась ей не тяжёлым сундуком, который надо в одиночку унести с места на место. Она была похожа на этот стол: стоило приглядеться, и в нём обнаруживались отделения, о которых раньше не знала. Одно вмещало страхи, другое — счета, третье — то, что требовало терпения и внимания.

Амина погасила лампу, заперла дверь и ещё раз проверила узел на бумажном свёртке. Утром она начнёт с долгов. После этого попробует понять, кому и зачем отец завязал шёлк так, как никто в его лавке не завязывал.

Шёлковый свиток с тайной записью

Амина придвинула к лампе долговую книгу и сверила первую строку с распиской красильщика. За окном серел снег, на крыше скребли вороны, а в лавке пахло холодным пеплом и сухой шерстью. До полудня ей предстояло решить, кому заплатить первым, и удержаться от желания раздать всем понемногу, лишь бы никто не смотрел на неё с укором.

Она внесла в книгу сумму, которую могла отдать красильщику, и рядом записала, сколько останется на закупку дров. Цифры не утешали, зато перестали расплываться. Затем Амина убрала расписку западного купца в ящик, где лежали документы, требовавшие отдельной проверки, и сняла с верхней полки свёрток отцовского шёлка.

Накануне она лишь ощупала его необычный узел. Теперь развязала осторожно, не потянув за короткое волокно, спрятанное под обвязкой. От него тянулся тонкий конец нити, зацепленный за край рулона. Амина потянула за него, и край ткани подался, будто под пальцами распускалась не нить, а маленькая дверь.

Она развернула шёлк на столе. Сначала показалась обычная светлая кромка, потом узкая полоска, вплетённая в неё с изнанки. В ней чередовались синие, тёмно-красные и охристые нити. Где-то они выступали над тканью короткими петлями, где-то исчезали на несколько пальцев и возвращались вновь.

Амина провела ногтем по неровностям.

— Брак, — пробормотала она.

На прошлой неделе торговец из соседнего квартала вернул ей две испорченные ленты из-за перекрученной основы. Тогда она потеряла часть выручки и выслушала рассуждение о том, что хорошая ткань не должна хранить ошибки ткача. Теперь повторяющиеся петли показались ей знакомыми именно в этом неприятном смысле.

Она уже потянулась за листом, чтобы внести рулон в список повреждённого товара, когда заметила, что петли возникали через одинаковые промежутки. Не приблизительно, а с такой точностью, будто кто-то отмерял их ногтем или тонкой палочкой.

Амина остановилась.

Рядом с рулоном лежала отцовская книга заказов. Она открыла её на случайной странице, затем на той, где в прошлый вечер видела короткие цветные штрихи возле некоторых сумм. Отец ставил их на полях: синий, красный, охристый. Иногда один цвет повторялся дважды. Иногда между штрихами оставался пробел.

Она раньше считала эти отметки способом отличать партии. Теперь приложила книгу к ткани и сравнила последовательности. На шёлке сначала шёл синий, затем красный, потом охристый. На странице порядок был тем же.

Сердце ударило чаще. Амина нашла готовый ответ — или ей так показалось. Она придвинула лампу, наклонилась над узором и стала читать петли как цифры, а цвета как названия мест. Синий должен был быть севером, решила она, красный — опасностью, охристый — ночлегом. Отец указывал дорогу к перевалу.

Мысль пришла слишком легко. И потому показалась верной.

Амина уже потянулась к перу, но остановилась. Три цвета могли означать что угодно. Если бы она записала первое, что пришло в голову, то через час сама стала бы ссылаться на собственную догадку как на доказательство.

Она перевернула рулон. Изнанка оказалась ровнее, чем лицевая сторона, но на ней узор начинался в обратном порядке. Амина прижала край ладонью, чтобы ткань не скручивалась, и стала считать промежутки. После каждого короткого красного выступа шли два свободных участка. После охристой нити — один. Повтор начинался через равный отрезок, но однажды порядок нарушался: охристая нить появлялась раньше синей.

В дверь постучали.

На пороге стояла Салма, ткачиха, которая много лет выполняла для отца сложные заказы. Её пальцы были красными от зимнего холода, а на плече лежал мешочек с инструментами. Купцы обращались к ней за тканью, но редко спрашивали, как она устроена. Обычно им было достаточно услышать цену и срок.

— Ты послала за мной, — сказала Салма, разуваясь у порога. — Что случилось?

Амина показала рулон.

— Я нашла в нём неправильные нити.

Салма даже не наклонилась к ткани.

— Ты уже решила, что они неправильные?

— Они повторяются.

— Это не ответ на мой вопрос.

Амина почувствовала, как вспыхнули щёки. Ей хотелось объяснить, что она не просто позвала мастерицу из-за куска испорченного шёлка. Хотелось, чтобы Салма сразу увидела и узнала то, что сама Амина уже подозревала.

Вместо этого она сказала:

— Я не знаю, что это. В книге отца есть цветные отметки в таком же порядке. Ты работала над его заказами. Помоги проверить, не обманываю ли я себя.

Салма подошла к столу. Она не коснулась ткани, пока не вымыла руки в миске с водой, которую Амина подала ей. Затем достала из мешочка костяное шило и тонкую деревянную планку.

— Сначала скажи, что именно ты считаешь знаком.

Амина описала последовательность и призналась, что решила считать цвета обозначениями мест.

— Почему север? — спросила Салма.

— Узел был необычным. Отец ездил на север. В книгах есть записи о перевале.

— Это три причины связать вещь с севером. Ни одна не объясняет, почему синий должен быть дорогой.

Салма произнесла это без насмешки. Амина всё равно почувствовала, как её уверенность отступает, словно отступает вода от берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.